
Андрей
Ливадный
Туманность
Ориона

Annotation

Взгляд на человечество со стороны инопланетного существа, воспринимающего все наши «шутки» за чистую монету.

Андрей Ливадный Посол

Глава 1

На столе лежал нож.

Кровь растеклась липкой, сладко пахнущей лужицей по доске, на которой резали хлеб и овощи. Рядом стояла сахарница, в которую до половины был насыпан растворимый кофе. Сахар же оказался подле, в незамысловатой металлической вазочке для мороженого.

Мороженого поблизости не было. Зато присутствовал термос с горячей водой для приготовления кофе.

Лужица крови объединяла все эти предметы.

Как порой непоследовательны бывают люди… Что им стоит хранить кофе в сахарнице? Мелочь?

Нет, для Шаньгу это не являлось мелочью.

Живший тут человек презирал правила. Нарушая их в малом, он мог нарушить их и в большом. Индивидуальность – вот чем, помимо крови, попахивал этот натюрморт.

Для Шаньгу нет ничего хуже и роднее индивидуальности.

Исследовать душу умершего насильственной смертью – это было бы занятно. Умирая, человек отчетливо мыслил, и перед Шаньгу пронеслась вся его жизнь. Да, забавно было бы разобраться, например, почему он продал за известную сумму свое понятие о совести, когда последняя перестала быть ему необходима? Как можно взять на себя обязательства, долгое время соблюдать их, а потом просто отказаться от долгов, выбросив ощущение совести, словно отслуживший хитин?

Непонятно.

Когда Шаньгу вошел, этот человек лежал в сухой ванне. Из-за ржавой трубы торчали его ноги. Человек лежал, глядя в потолок, и его глаза были большими, остекленевшими, но он дышал.

Шаньгу хотел помочь ему, ободрить, но человек визгливо вскрикнул, увидев приближающегося к нему по длинному тускло освещенному коридору инсектоида. Его тело выметнулось из пустой ванны, глаза оставались остекленевшими, только вот зрачки расползлись в них, почти совсем поглотив белок.

С криком человек пробежал по коридору. Шаньгу, заинтригованный таким поведением, прошел за ним, очутившись в этой грязной, убого обставленной комнате. Человек перевернул часть мебели, схватил со стола большой тускло поблескивающий нож и стал махать им перед собой, что-то

крича.

Органы восприятия Шаньгу еще не совсем адекватно воспринимали звук человеческой речи. Однако по угрожающей позе существа и его интонациям, а также по голубоватым сверкающим росчеркам, которыми его рука с ножом кроила спертый, душный воздух помещения, нетрудно было понять – существо напугано и хочет кого-то убить.

Шаньгу оглянулся, пытаясь понять, что же так напугало это странное, эксцентричное существо, и в следующий миг он едва не лишился своих жвал вместе с изрядной частью головы – свистящая сталь полоснула воздух так близко, что покрывающие хитин осязательные волоски болезненно шевельнулись. Шаньгу отпрянул.

Разве эта особь из человеческого муравейника не связана общей клятвой с остальной частью своего сообщества? Зачем хозяин жилища машет куском стали перед глазами и жвалами, если его муравейник обнародовал закон о Правах Разумных Существ, где они объявили, что никто не должен причинять зла и выказывать свое неуважение существам иных негуманоидных рас?

Теперь, глядя на лужицу крови и кофе, который был насыпан в сахарницу, Шаньгу понял, что неправильно оценивал этих существ. Они были индивидами, каждый сам себе закон.

«Печально… – подумал он, глядя на труп, чьи глаза теперь остекленели по-настоящему. – Я только защищался».

* * *

Нужно сказать, что Шаньгу здорово не повезло, но он пока что даже не подозревал об этом.

Его невезение основывалось на трех обстоятельствах: во-первых, он плохо владел своим телом, которое «надевал» очень редко и воспринимал приблизительно так же, как боевой генерал воспринимает парадный мундир с жестким стоячим воротничком, во-вторых, он не очень-то представлял, что люди смертны, – в словаре Шаньгу не имелось адекватного аналога понятию «смерть», а в-третьих, система гиперпространственной транспортировки забросила его в случайно избранное место на поверхности планеты, где полномочного посла космической державы, естественно, никто не встречал.

Приоткрыв двери квартиры, куда забросило его злое провидение, Шаньгу оказался в грязном, тускло освещенном коридоре.

«Что за странные реальности они содержат на своих носителях?» – с отвращением подумал он, втягивая через дыхательные отверстия душный,

дурно пахнущий воздух.

Но, делать нечего, приходилось мириться и со странной обстановкой, и с превратностями дальних путешествий.

Шаньгу уже не в первый раз осуществлял подобные миссии и знал, что результатом его усилий станут удобные и безопасные транспортно-информационные каналы, которые соединят всех Шаньгу со своими новыми братьями по разуму. Именно с таким заданием он покинул свою уютную нору и влез в это старое, неудобное и неуклюжее парадное тело.

Коридор, по которому он шел, семеня на четырех лапах, оканчивался такой же грязной, обшарпанной лестничной клеткой. Здесь, опираясь на ржавые перила, стояли двое человеков, пуская из своих дыхательных отверстий сизый, удушливый дым.

Заинтригованный Шаньгу остановился.

Один людь указал в его сторону дымящейся палочкой, которая была зажата между пальцами в его передней конечности. Шаньгу был телепатом, и поэтому без труда мог воспринимать как человеческую речь, так и некоторые, особенно ярко направленные в его сторону мысли. Он знал, что правила дипломатического этикета обязывают посланца придерживаться установленных на той или иной планете норм поведения, – поэтому он поджал две из четырех опорных лап, выпрямился, не очень уверенно балансируя на оставшихся конечностях и…

– Смотри, Вась… Ни хера себе таракан! – просипел один людь, тыча в его сторону дымящейся палочкой.

Шаньгу «услышал» так же его мысль:

Уйди, глюк поганый…

ГЛЮК – это, наверное, почетное звание посла, рассудил про себя Шаньгу, стараясь покрепче запомнить новое слово в преддверии предстоящих ему переговоров с руководством этих агрессивных существ.

Интересно, отчего они так любят носить свои тела? Что же такого интересного в первой реальности, чтобы проводить тут столько времени?

Этого Шаньгу, откровенно говоря, не понимал. Первая, или, как еще ее называли – незыблемая, реальность была, по его мнению, очень неудобна. Во-первых, она не зря называлась незыблемой. Чтобы выкопать себе нору в первой реальности, нужно было надевать свое тело, а потом долго и нудно рыть землю отвыкшими от физической работы конечностями. В глаза и дыхательные горла при этом, естественно, летели песок, пыль и прочая дрянь. Да и лежать в выкопанной норе – сплошные неудобства. Нет, в мире Шаньгу в первую реальность, где над всем властвовали физические законы, «ходили» одни садомазохисты. Шаньгу же

был существом тонким, нежным, избалованным. Он предпочитал вторую реальность, где достаточно было мысли, чтобы нора выкапывалась сама по себе, прямо на глазах, без пота и пыли. Да и влезать в нее одно удовольствие – сразу изгибается, пульсирует, принимая формы твоего тела, мягко обволакивает со всех сторон, и засыпаешь, засыпаешь в нежном блаженстве, но…

Шаньгу понял, что размечтался и отвлекся, а диалог двух человеков тем временем продолжался.

– Слушай, какая-то дурная эта трава… – произнес первый людь, тот самый, что постоянно махал дымящейся палочкой.

– Угу, – согласно кивнул второй. – Уроды всякие мерещатся. Вон тараканище стоит, метра два в нем, наверное, росту-то… Никогда таких не видел.

– Что, и ты его видишь? – неподдельно изумился первый. – А я-то думал, что он мой глюк!..

«Делят они меня, что ли?» – обеспокоенно подумал Шаньгу, морально готовя себя к началу ритуальной церемонии. Теперь он уже не сомневался, что термин «глюк» обозначает конкретно его персону и звучит крайне уважительно. Перед отправкой на эту планету он изучил не только язык человеков, но и некоторые особенно характерные интонации их голоса. Так вот, эти голоса звучали именно уважительно, даже немного испуганно. Очевидно, глюков они побаивались.

«Ну, ладно, пора начинать, а то человеки, вероятно, заждались».

Подумав так, Шаньгу издал самый грозный скрежет, на который оказались способны его жвала, и с должным уважительным рвением выхватил окровавленный уже нож. Обнажив это ритуальное оружие человеков, он кинулся на них, мысленно наметив, что сначала отрежет голову первому (из соображений личной приязни), а уж потом займется вторым. Шаньгу не особенно четко представлял, что означает расхожее выражение «выпустить кишки», но полагал, что сумеет справиться и с этой не отрепетированной заранее задачей. Все-таки опыт общения с чужими расами был у него немалый.

Глава 2

В полицейском управлении южного округа царил в этот час послеобеденный покой.

Те служащие, что предпочитали проводить ленч на рабочих местах, сейчас сонно перемещались по этажам, останавливаясь, чтобы перекинуться парой слов со знакомыми.

Никаких особых происшествий с утра не было, поэтому старший инспектор сектора Дмитрий Вайгаков спокойно выпил кофе и как раз собирался позвонить домой, жене, когда его намерения прервал резкий, неприятный зуммер «горячей» правительственной линии.

– Да? Инспектор Вайгаков слушает.

На той стороне связи представились, негромко, вальяжно.

Вайгаков слегка побледнел. Резко изменив позу, он зачем-то убрал со стола пепельницу с окурками, прижимая трубку коммуникатора к уху плечом.

– Да, господин министр. Я весь внимание.

– Вот что, инспектор, слушай и запоминай, – внятно произнес голос, принадлежавший министру иностранных дел планеты. – Сегодня к нам должен был прибыть некий посол недавно обнаруженной в нашем секторе пространства разумной и очень древней цивилизации инсектоидов. – Министр сделал короткую паузу, откашлялся и продолжил: – Наши спутники зафиксировали возмущение гиперполя планеты, но ни в атмосфере, ни в околопланетном пространстве ничего обнаружить не удалось. Мы еще очень слабо знакомы с цивилизацией Шаньгу и не представляем технических особенностей и потенциальных возможностей их транспортных средств. Может быть, делегация уже прибыла на планету, и если это так, то, судя по возмущению поля, зона их высадки должна быть где-то в твоем секторе.

– Я понял, – ответил Вайгаков, подумав, что еще иностранных делегаций не хватало на его голову. – Прикажете их искать?

– Нет. Искать их не нужно. Просто удвойте наряды на улицах.

– А как выглядят эти Шаньгу?

– Тараканы, инспектор. Большие тараканы.

– Я понял, господин министр, – повторил инспектор. – А что мне делать, если делегация будет обнаружена?

– Срочно доложить наверх, оцепить район высадки и не шевелиться.

– Понятно. А мои люди должны предпринимать какие-либо действия?

– Это очень сложный вопрос, инспектор. Думаю, что не стоит лезть к ним с объятиями. Они совершенно непонятны и неизвестно, как к нам относятся, но у военного ведомства уже были недоразумения с Шаньгу на одной удаленной планете. Они очень скрытны, эти инопланетяне. Могу сказать, что, скрупулезно исследуя их планету, наши ребята из отдела внешней колониальной разведки не смогли обнаружить ни поселений, ни каких-либо иных признаков цивилизации. И тем не менее они живут там, и, по некоторым данным, которые их сторона передала по каналам межзвездных компьютерных сетей, стало ясно, что их технологии превосходят наши как минимум раз в десять. Загадочные и сильные существа, вот так-то, инспектор. Пусть на здоровье маскируют свой корабль, а когда появятся, то ваша задача – быстро и плотно оцепить район контакта, чтобы на них никто не пялился, не тыкал пальцами и, не дай бог, не оскорбил полномочного посла.

* * *

«Нет… ну… странные… у… них… обычаи!..» – мысли Шаньгу прыгали вверх-вниз, вверх-вниз, в такт ступенькам, которые приходилось преодолевать.

Двое человеков явно затягивали церемонию знакомства. С непонятными воплями они неслись по лестнице; Шаньгу, размахивая окровавленным тесаком, запыхавшись, бежал за ними, а из боковых нор выглядывали удивленные лица. Несколько секунд они, как правило, оторопело наблюдали за проносящейся вверх по лестницам процессией, а потом начинали усердно тереть глаза или издавать совершенно бессвязные вопли.

Что за дикий народ? Зачем же столько бегать, ради того чтобы элементарно представиться друг другу?

У Шаньгу от непривычных физических усилий уже двоилось в глазах. Те двое, с которыми он жаждал вступить в контакт, тоже, вероятно, изнемогли: они наконец остановились на площадке последнего этажа перед большой, обшитой железом дверью.

Один из них обернулся, глянул вниз, на Шаньгу, который, еле передвигая лапами, преодолевал последний лестничный марш, и полномочный посол уловил отчетливую, направленную в его сторону мысль:

Ну, все… хана…

В этот момент первый людь, тот самый, кого Шаньгу мысленно наметил для ритуального отсечения головы, со всего размаха кинулся на дверь. Ударившись о нее своим телом, он что есть силы замолотил кулаками по железной обивке, истошно крича:

– Откройте! Пустите нас! Откройте!..

Снова и снова он бросался на дверь, а через секунду, заметив, что Шаньгу уже на середине лестничного марша, к нему с таким же рвением присоединился и второй людь.

Они бились о дверь и кричали, потом один из них внезапно прекратил свои броски, пошатнулся и безвольным кулем ополз на пол.

Шаньгу оставалось всего несколько ступенек, когда со вторым случилось то же самое.

Он вполз на площадку, уже просто волоча за собой тяжелый кухонный нож, и без сил присел рядом.

От двух человеков не исходило ни единой мысли.

Шаньгу опечалился. Если они все будут выпрыгивать из реальности в самый ответственный момент контакта, то как он, спрашивается, сможет выполнить возложенную на него задачу?

Немного отдышавшись, Шаньгу встал, перешагнул через два распростертых на полу бессознательных тела и подошел к той двери, на которую столь усердно кидались человеки.

«Непонятно… – продолжал думать он, разглядывая большие красные буквы, нанесенные на дверь ровными строками. – Неужели так велика пропасть между нами, что я, опытный посланник, вот уже сколько времени не могу не то что вступить в контакт, а даже приблизиться на короткое расстояние к этим непонятным существам?»

Пока он размышлял, автопереводчик успел опознать буквы языка и перевести надпись. Большие красные символы на двери сообщали:

«ОТКРЫВАЕТСЯ НА СЕБЯ»

Чуть ниже надписи имелась ручка.

«Странные существа, – опять подумал Шаньгу, взявшись за ручку и потянув на себя дверь, о которую так усердно бились минуту назад человеки. – Они, наверное, не умеют читать…» – заключил он, когда массивная дверь скрипнула и приоткрылась.

С той стороны на двери также имелась надпись:

«НА ЧЕРДАКЕ НЕ СОРИТЬ».

Шаньгу в замешательстве остановился, отыскивая слово «чердак» в базе данных.

Ага, вот оно. Чердак – самое верхнее помещение человеческих

строений. Шаньгу внезапно испытал радостное облегчение. В давние времена, когда народ на его планете жил еще в первой реальности, испытывая на себе все тяготы и неудобства ее физических законов, главным для выживания Шаньгу было солнце. Чем выше здание, тем ближе к теплому, животворящему светилу. Поскольку Шаньгу являлись инсектоидами и не имели системы биологического поддержания постоянной температуры тела, несложно было понять, что солнце играло решающую роль в процессах их метаболизма.

Верхний этаж любого здания, в понимании Шаньгу, представлял собой самое комфортное и почетное место обитания. Он отводился только тем, кто обладал в мире реальной властью и авторитетом.

«Значит, эти человеки не так глупы, как показалось. Они привели меня на самый верх, к месту, где заседает их руководство».

Обуреваемый подобными догадками, Шаньгу осторожно заглянул за полуоткрытую дверь.

Блестящий выбор.

Косые солнечные лучи сочными столбами проникали внутрь чердака через прорехи в крыше. О, это были самые почетные места, и как умело эти человеки распределили природное благо! Шаньгу был потрясен. Наклонно падающие столбы солнечного света, в которых медленно кружили невесомые пылинки, буквально приворожили его.

«Надо же… Не рассеянный свет по всей площади, но такие концентрированные блага для избранных! Я ошибся. Они эстеты, вот кто эти человеки!»

– Ну что стоишь там на пороге? – внезапно раздался из глубин захламленного чердака чей-то каркающий голос. – То молотят в дверь почем зря, теперь стоят, сквозняки тут делают. Опять обкурились?

Шаньгу невольно замер, осознав величие момента. Вот он, миг настоящего контакта, первая реальная встреча двух рас. Он чуть присел, мысленно предвкушая, как войдет сейчас в один из столбов ласкового солнечного света и будет оттуда разговаривать с властителями этого мира.

От мысли, какой невиданный, изысканный почет оказан ему, у Шаньгу закружилась голова.

Нет, контакт с человеками и этот пыльный чердак, пронизанный невыразимой роскошью солнечного тепла, он запомнит на всю жизнь.

Собравшись с духом и подавив некоторую возникшую в нем робость, Шаньгу сделал шаг вперед и громко, отчетливо промыслил в пустоту:

– Здравствуй, человек! Я глюк и пришел к тебе!

В глубинах чердака кто-то охнул.

Гордый собой Шаньгу вошел в золотистый ореол солнечного света. Теперь его было видно со всех сторон.

Глава 3

– Куда же они могли запропаститься? – генерал Плугинов нервно мерил шагами свой кабинет.

– Не имеем ни малейшего понятия, сэр, – ответил ему Вайгаков. Инспектор нервничал. Он не любил покидать пенаты родного административного округа. Беседа с высшими чинами из колониальной разведки больше походила на игру в футбол на минном поле, никогда не знаешь, к чему приведет следующий шаг, – к решающему голу или неожиданному взрыву.

– Скажите, сэр, – осторожно обратился он к генералу, а быть может, стоит дать моим ребятам более подробные инструкции?

– В смысле? – остановившись, нахмурился генерал.

– Я имею в виду описание этих Шаньгу, – пояснил инспектор. – Их облик, нравы, привычки. Понимаете, термин «большой таракан», которым снабдил меня министр иностранных дел, на самом деле не очень-то облегчает поиск и опознание. Что нам известно про этих Шаньгу? Как мы можем с уверенностью понять, что перед нами именно тот, кто нужно?

– Да никак! – резко и раздраженно оборвал его генерал. – Инспектор, я сейчас открою вам очень важную государственную тайну: мы ни фига про них не знаем!

– Как же так? – растерялся инспектор.

– Очень просто.

– Но ведь были же контакты с ними? Как мы встретились?

– Встретились… – Генерал раздраженно взмахнул рукой. – Разве это можно назвать встречей?! Эти проклятые Шаньгу сидят у меня словно кость в горле вот уже третий месяц. – Он сел, и кресло за рабочим столом жалобно пискнуло, принимая на себя вес генерала. – Представьте себе, инспектор: мы высаживаем десант на довольно жаркой и почти безжизненной планете. Проводим все предписанные процедурой посещения анализы, пробы, вопим на всякий случай во всех радиодиапазонах о своем прибытии. Естественно, никто не откликается. Мертвый, занесенный песком и пылью горячий кусок камня. Рай для верблюжьих колючек, – не скрывая раздражения, заключил он.

– И что? – тактично подтолкнул его мысль заинтригованный инспектор.

– Планета была признана необитаемой, и мои ребята приступили к

сооружению временного перевалочного космодрома на ее поверхности. Для этого было избрано удобное горное плато. Мы возвели уже порядка восьмидесяти процентов всех построек, когда внезапно объявились эти Шаньгу.

– А каким образом они появились? Просто пришли и сказали «Здрасте»?

– Приблизительно так. Только поздоровались они через наш центральный компьютерный терминал. Представьте, инспектор, утро нового рабочего дня. Координатор стройки приходит в свой кабинет, а там рожа этого инсектоида во весь экран монитора.

– И что они хотели?

– Вежливо попросили убраться с их планеты. Мол, обитают тут они уже не один миллиард лет, и нечего ломать их мир. Наш координатор, разумеется, не поверил, подумал, что кто-то из смены компьютерной поддержки плоско шутит, но перезагрузка системы и разборки с компьютерщиками ничего не дали – представитель Шаньгу остался на месте, парализовав работу всего электронного комплекса. Пришлось волей-неволей поверить в его существование.

– Они выдвигали какие-нибудь требования, кроме ультиматума убраться с их планеты?

– Да в общем-то – нет. Он лишь посетовал, что мы сломали какой-то город. Но, разрази меня гром, не было там никакого города. Один камень да россыпи природного кварца. Вот посмотрите, инспектор, сувенир с той планеты. – Генерал протянул руку, взял со стола природный кристалл кварца и показал его Вайгакову. Самородное стекло было холодным, увесистым, свет преломлялся в гранях кристалла, играя цветами спектрального разложения.

– Вот такими кристаллами там покрыты все горы, – пояснил генерал. – Никакого намека на города и жизнь. Камень, стекло и солнечный свет, глазам больно.

– Да, занятно… А что было дальше? Они ограничились переговорами или как-то более материально доказали свое присутствие на планете?

– Шаньгу натравили целое стадо шагающих экскаваторов на наш космопорт. Никто так и не смог объяснить, каким образом они овладели управляющими компьютерами машин, но те разнесли стройку, превратив в обломки плоды полуторамесячных усилий строительных бригад. К счастью, никто из персонала временной колонии не пострадал. После этого они снова вышли на связь с координатором, заявили, что удовлетворены

причиненными разрушениями, и просят два месяца по нашему календарному исчислению на исследование человеческой культуры, после чего в наш мир, по их словам, будет высажен полномочный посол цивилизации Шаньгу для дальнейших переговоров.

– Вот те раз! – удивился инспектор. – А каким образом они собирались изучать нашу культуру? Им были предоставлены какие-то материалы?

– Нет. Они ничего не просили. Просто объявили, что им нужно два месяца и такого-то числа такого-то года ждите посла. Все. Больше переговоры не возобновлялись.

– Интересно, откуда тогда господин министр взял это определение – «большой таракан»?

– В данном случае министр не оговорился. Они сами назвали свои размеры в наших мерах длины, а видеоизображение мы получали с экранов мониторов в колонии. А относительно конфликта – он, как я уже сказал, действительно имел место на планете Шаньгу. После первого ультиматума мы начали рыть носом землю в их поисках.

– И тогда они ответили «экскаваторным бунтом»?

– Точно, – невесело усмехнулся генерал.

* * *

Шаньгу настолько устал после беготни по лестницам, что в нарушение этикета позволил себе несколько секунд понежиться в ласковых лучах солнца, которые приятно согрели хитин, распространяя блаженное тепло внутрь, к органам пищеварения.

Все это время на чердаке шла странная возня. На самой периферии зрения Шаньгу промелькнуло несколько смутных теней, раздались крики, жалобно прозвенело высаженное стекло и чей-то долгий, протяжный крик:

– Ааааааа!.. – прозвучал уже вне стен высотного здания.

Приободрившись, Шаньгу вспомнил про ритуальный нож и поднял его, демонстрируя притаившимся в сумраке человекам.

…

В кармане формы инспектора Вайгакова нежной трелью пропел мобильный коммуникатор.

– Разрешите, господин генерал?

Хозяин кабинета сумрачно кивнул. Валяй, мол…

– Да? Вайгаков слушает.

– Сэр, мы закончили прочесывание сектора А-9. Никаких особенных происшествий. Только что с крыши высотного здания вниз, прямо на

наших глазах, сбросился какой-то обкуренный придурок. А так все тихо. Про наших друзей-тараканов никто не слышал.

– А этот… который выбросился? Проверили? Почему спрыгнул, откуда, зачем?

– Господин инспектор… – обиженно прогудел голос. – Вы же знаете этот район. – В коммуникаторе что-то щелкнуло. – Вот я стою прямо на месте происшествия, передо мной нежилое высотное здание, заброшено лет пятнадцать назад. Притон для наркоманов и бомжей. Грязь, куски пластика в окнах, давным-давно предназначено под снос.

– И все-таки, капитан, проверь. Сегодня мы вынуждены обращать внимание на каждый инцидент.

– Хорошо, я понял.

…

Несмотря на усталость, Шаньгу еще некоторое время продолжал махать ножом.

Невнятная суета в сумраке чердачного помещения прекратилась. В кругах света мелькнуло и исчезло несколько сгорбленных силуэтов двуногих.

«Может быть, я что-то делаю не так?» – в конце концов усомнился Шаньгу. Нож был тяжелым, и махать им до бесконечности уже не оставалось сил.

Обескураженный таким пренебрежением со стороны человеков, посол прекратил размахивать железкой и сел, подогнув под себя все четыре опорные конечности. Дыхательные крышки на его хитиновом панцире ритмично приподнимались и опускались в такт участившемуся дыханию.

Собравшись с мыслями, посол постарался вспомнить все, что удалось узнать о людях за тот срок, что Шаньгу сами вытребовали для себя. Итак, люди… Двуногие существа, без панциря, с мягкими, мясистыми телами. Владеют, как и Шаньгу, двумя реальностями, но жить почему-то предпочитают в первой. Непосредственный доступ к первой реальности удаленных миров был для Шаньгу несколько затруднен, поэтому логично было воспользоваться второй реальностью. Так и поступили, благо генераторы реальности, привезенные на планету вторгшимися человеками, оказались взаимосвязаны не только друг с другом, но и с глобальной Сетью, протянувшейся между звезд.

Посол сам исследовал человеческие миры второго слоя реальности и был весьма поражен ими.

С некоторым ужасом и брезгливым смятением Шаньгу долгое время наблюдал, как человеки с упоением взаимоистребляют друг друга. Делали

они это постоянно, самыми разнообразными способами. Все от мала до велика носились как угорелые по второму слою реальности с оружием в руках, используя для перемещения мрачные коридоры каких-то непонятных зданий. При встрече двух индивидуумов, как правило, происходило следующее:

Тот, кто успевал выстрелить первым, тут же отскакивал куда-нибудь в укрытие и восторженно орал оттуда:

– Получил, гаденыш? Привет, Серега! Это тебе за вчерашнее!..

Пораженный индивид, разбрызгивая свои внутренние жидкости, также старался убраться с линии огня, не забывая при этом традиционно приветствовать встреченного друга:

– Это ты, Андрюха? Ну… погоди, я тебе башку оторву или кишки выпущу.

– Ага, ага… Давай ползи за аптечкой, а я пока вон того кента подстрелю, новенький какой-то, бегает тут с базукой уже минут пять, житья никому не дает. – При этих словах в руках говорившего неизменно появлялось что-нибудь тяжелое, экзотическое, снабженное шлангами, трубочками и чудовищных размеров стволами. – Написано же на входе в виртуальный сервер: «Нет тяжелому оружию». А он с базукой приперся, гад. Пусть теперь на себя пеняет.

Незнакомец, которому адресовались подобные приветствия, действительно оказывался в скором времени прижатым где-нибудь в темном углу, и расстреливался в упор. Царапая руками залитый кровью пол, он приподнимал голову и хрипел:

– Неинтересно тут у вас. Не буду больше сюда коннектиться, отвянь, последние хит-пойнты ухож…

С невнятным хрипом он растворялся прямо в воздухе, перемещаясь по второй реальности. Вывалиться ему обычно удавалось не скоро – большинство слоев реальности вмещало в себя определенное количество индивидуумов, а когда находилось свободное место, то Шаньгу, следивший за избранным человеком, опять сильно удивлялся.

Сконденсировавшись прямо из воздуха, обляпанный кровью, с устрашающим гранатометом в руках, странник, жаждущий приключений, оказывался вдруг в комнате с розовыми шторами на окнах и мягкими диванчиками, расставленными вдоль стен, на которых чинно восседали всевозможные представители низшей фауны человеческих миров: разные там зайчики с большими бантами на шее, мишки, лисички и прочая живность. Попадались, конечно, среди них и иные, явно гротескные, создания, но тут, по крайней мере, не было насилия и пальбы.

– Кто к нам пришел! Кто к нам пришел… А кто к нам пришел?.. – невнятно загундел голос под потолком. – Сэр, вы не зарегистрированы в чате. Сообщите, как к вам обращаться?

Подопечный людь, за перемещениями которого наблюдал Шаньгу, оперся о гранатомет, отряхивая со своей одежды брызги чьей-то плоти. Оглядевшись по сторонам, он скривился.

– Э… да это что, чат, что ли?

В этот миг один из присутствующих растворился в воздухе с тихим хлопком.

– 14 часов 12 минут, – внятно сообщил голос из-под потолка. – «Паренек» уходит по-английски…

Шаньгу пока что ничего не понимал и потому прислушался.

Возможно, ему не стоило этого делать, ибо на него со всех сторон обрушились бессвязные, вырванные из контекста фразы:

GSM: Теперь понятно…

Кончито Контос: а ты?????????

lulu iren: здрасте!

amazonka: Да я в Киберде! Ты на прикладную идешь?

Dr DIESEL: из ниоткуда я!!!

Мамзель: Я имел в виду смекалку и сообразительность, а то, о чем вы подумали, тоже хороших размеров.

Dr DIESEL: Ори, кстати, ты откедова?

sexy girl: придется… а ты?

Kirguduk: Не ругацца! А то северный ветер нашлю.

ПРОСТИТЕ… ОТВЛЕКЛАСЬ… не заметила, кто мне ответил?

Свободна: Отдайся мне!

ppemenem: Так быстро ничего не делается…

exploite: Все круто!

amazonka: Не смогу!

Dr DIESEL: а тебе сколько лет?

exploite: Кроме того, что я болею, настроение – отстой…

magika: У вас сколько времени сейчас?

ppemenem: я хочу тебя!

Amina: Вот еще глупости…

Slavalex: меня разрывает!

Свободна: А чего ждать?!

Slavalex: Привет. Могла бы разыграть невинность, только мы с тобой уже как-то беседовали…

У Шаньгу закружилась голова. Он ничего не понимал, но тут на

помощь внезапно пришел его подопечный.

Криво усмехнувшись и посмотрев на собрание зверюшек, он несколько секунд вслушивался в смысл витающих в воздухе, рикошетящих друг от друга фраз, затем поднял свой гранатомет и сказал, обращаясь к потолку:

– Зови меня Killer, понял?

Радостный голос из-под потолка произнес:

– Спешу сообщить, что к нам пришел Киллер!

В комнате на секунду повисла недоуменная тишина.

– Сэр, вход с оружием сюда строго воспрещен! – попытался напомнить голос, но подопечный Шаньгу уже поднял свой гранатомет:

– Ну, что, озабоченные зайчики и лисички? Повеселимся?

С грохотом и вспышками его потянуло прочь, вышвыривая вон из комнатки, где взрывная волна срывала кукольные маски с присутствующих. Шаньгу успел с удивлением заметить, что зайчик с розовым бантом на шее внезапно оказался довольно мерзкой на вид старухой, а мускулистый людь, вяло поигрывавший перед остальными своими бицепсами, внезапно обернулся тщедушным очкариком.

Странные эти человеки. Странные, непонятные и опасные.

За два месяца посол Шаньгу не смог составить для себя единого, однозначного мнения о человеческой цивилизации. Он смог научиться лишь тому, как правильно здороваться.

Глава 4

…Из сумеречных глубин чердака навстречу Шаньгу внезапно выплыла одинокая фигура.

Если следовать человеческой классификации, то это, пожалуй, был старик – существо мужского пола, преклонного возраста.

– Ну, что людей пугаешь, безобразие ты зеленое? – остановившись напротив Шаньгу, беззлобно осведомился он.

Измученный посол вяло заскрежетал жвалами.

– Я глюк, – сделал он последнюю попытку донести до собеседника всю значительность собственного положения.

– Я вижу. – Старик сел напротив, скрестив ноги. – Только ты вот объясни мне, старому, с каких это пор вы разговаривать научились, собаки зеленые?

– Я не собака. Я инсектоид, по вашей классификации.

– Да, вижу, что не собака. Уж глюков я на своем веку переловил – не счесть.

Шаньгу был неприятно поражен.

– У вашей цивилизации так много контактов с иными расами? – осторожно осведомился он.

– Ну а ты как думал? Контактов-то у нас хватает… – Старик кряхтя полез в карман, достал оттуда плотно набитую какой-то травой палочку и серьезно спросил у Шаньгу:

– Будешь?

Посол растерялся. Разумеется, в его тело были перед миссией имплантированы специальные метаболические преобразователи, и… он решил рискнуть. В конце концов семь бед – один ответ…

«Ой, что это я начал размышлять, совсем как заправский людь?»

Старик чиркнул какой-то пластинкой, и на ее кончике затрепетал крошечный огонек. Поднеся его к палочке с травой, он несколько раз пыхнул (это определение посол украдкой позаимствовал прямо из его мыслей) и протянул дымящуюся палочку Шаньгу:

– На, попробуй…

Шаньгу попробовал.

Ароматный дым прошел сквозь прикрытые пластинами дыхательные щели, и разум посла внезапно помутнел, будто все предметы вокруг потеряли резкость, начали сначала двоиться, а затем и вовсе терять

очертания, словно по их поверхности побежали причудливые волны.

«Великая раса… – обалдело подумал Шаньгу. – Они умеют переходить во вторую реальность в любой момент, безо всякой аппаратуры!..»

Посол закашлялся. В исполнении инсектоида это выглядело несколько необычно: повалившись на бок, посол что есть силы выдувал воздух через дыхательные щели; при этом прикрывавшие их хитиновые пластины встали дыбом.

– Ну, что же ты, болезный? – участливо осведомился старик. – А еще глюк называется. Дай-ка сюда, не переводи добро понапрасну… – Он бесцеремонно вытащил из клешнеобразных пальцев Шаньгу дымящуюся палочку.

Шаньгу уже почти не слышал его. Он лежал на спине, подставив солнечным лучам, пробивавшимся сквозь прореху в крыше, свое брюхо, и бестолково сучил лапами, разгоняя ими пыльный воздух захламленного чердака.

Сознание старого посла вновь стало молодым – сейчас он во всю прыть бежал за хорошенькой самочкой по пыльным дорогам родной планеты, но какой-то уголок разума все еще пребывал тут, на планете человеков… Он не мог отключиться полностью, забыв о своей чрезвычайной миссии. Поэтому его жвала жили своей, отдельной жизнью, исторгая полуосознанный скрежет, сопровождаемый телепатическим переводом:

– О великий ЛЮДЬ, я, как полномочный посол… Рассказать тебе нашу историю… Мы были тяжело… Жить на поверхности наша планета, и великие светлые разумы много галактических секунд назад открыли новый слой реальности. Наши слабые старые тела лежат теперь… как это называется у вас? А, вспомнил… большие подземные холодильники… Наши сущности с помощью аппаратуры перехода уйти во второй слой реальности, где жить вечно… да…

Старик понимающе кивнул. Его глаза замутились, потом остекленели.

Посол воодушевился. Наконец-то его слушают.

– Ваши машины в первой реальности… Они ползать по нашим генераторам второго слоя бытия… Такие маленькие, блестящие, пропускающие свет кристаллы… вот по-вашему будет, хрусталь, стекло… кварц… – это все наш второй мир, фотонный процессор. Наше яркое солнце светит сквозь россыпи кристаллов, и тогда возникает второй слой реальности, который… вы называть… виртуалка… Сеть… Мы жить там и

не знать, какая великая раса появится в нашей первой реальности… Я принес союз… Мы хотеть соединиться с ваша Сеть…

Слова посла звучали все тише… тише… Его лапы дергались уже не так интенсивно, как раньше.

Старик, сидевший подле него, сделал последнюю, уже обжигающую пожелтевшие пальцы затяжку и сказал:

– Союз… это ты хорошо придумал.

В этот момент дверь чердака с треском распахнулась, и в полутемное, сумеречное помещение ворвались люди в серой униформе спецназа.

Их командир выступил вперед, затем, увидев Шаньгу, попятился, торопливо поднося ко рту мобильное устройство связи.

– Сэр… Мне кажется… Кажется, я нашел его!.. – оторопело произнес он. – Что?! Описать?! Полномочного посла? – Офицер на секунду замялся, а потом выпалил скороговоркой именно то, что видел:

– Большой обкуренный таракан, сэр!